

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: khudjakov@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЯ ДОСПЕХОВ ЕРМАКА НА РИСУНКАХ XVII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕМЕЗОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ) *

В статье анализируются миниатюры Ремезовской летописи, на которых изображены доспехи, подаренные атаману Ермаку царем Иваном Грозным. На основе сравнения разных рисунков проведена реконструкция покрова панцирей и их конструктивных особенностей. Прослежена история почитания этих доспехов у народов Западной Сибири.

Ключевые слова: Западная Сибирь, русские воины, казаки, татары, ойраты, защитное вооружение, панцири.

Одним из наиболее значительных событий в истории Сибири позднего Средневековья – начала Нового времени явилось присоединение этого огромного края к Российскому государству. Начало ему положил знаменитый поход казачьего отряда под предводительством атамана Ермака в конце XVI в. С этого времени процесс «обретения» Сибири стал необратимым. В истории Сибирского края в результате деятельности Ермака и его воинов началась новая историческая эпоха [Окладников, 1981. С. 5].

Представление об исключительной значимости похода отряда Ермака и его последствий для исторических судеб Сибири и всей России осознавалось уже современниками и представителями последующих поколений, которые описали все эти драматические события в летописях и сказаниях. Впервые такие сведения были собраны, проанализированы и введены в научный оборот выдающимся российским ученым, историографом Г. Ф. Миллером в XVIII в. [1999. С. 208–260]. Вслед за ним события истории присоединения Сибирского края со

времени «самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» были в прослежены в сочинении И. Э. Фишера, опиравшегося на материалы, собранные участниками Великой Северной экспедиции [1774. С. 124]. В дальнейшем многие исследователи пытались найти объяснения тому, каким образом сравнительно небольшому по численности и действовавшему первоначально совершенно независимо от царских властей, на свой страх и риск, по инициативе и при поддержке богатых купцов Строгановых, казачьему отряду Ермака удалось выдержать несколько упорных сражений с многочисленными отрядами татарских войск, прорваться к столице Сибирского ханства, захватить ее и удерживать в течение определенного времени. Российские ученые, историки XVIII–XIX вв., считали, что главным фактором военных успехов отряда Ермака в сражениях с татарскими войсками было военно-техническое превосходство русских воинов, обладавших огнестрельным оружием [Словцов, 1995. С. 88–89]. В дальнейшем

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-00258а).

среди историков советского периода получило распространение мнение о сравнительно мирном, преимущественно договорном характере процесса присоединения Сибири. В качестве одной из основных причин успешного ведения боевых действий казачьего отряда Ермака против сибирских татар называлась слабость, или даже эфемерность государственности сибирских татар [Кызласов, 1996. С. 34–35].

Однако в результате целенаправленного изучения оборонительных сооружений сибирского татарского государства было установлено, что оно располагало разветвленной системой обороны и обладало определенным потенциалом для своего дальнейшего развития [Соболев, 2008. С. 249]. Как показал опыт исследования комплекса вооружения сибирских татарских воинов, они имели в своем распоряжении обычные для позднего средневековья виды холодного оружия дистанционного и ближнего боя и средства защиты [Худяков, 2007. С. 240–242]. Не обладая ручным огнестрельным оружием, они были знакомы с его действием и имели в своем распоряжении пушки, которыми, впрочем не сумели должным образом воспользоваться в ходе военных действий против отряда Ермака. По уровню развития военного дела сибирские татары почти не уступали другим тюркским и монгольским государствам Евразии позднего средневековья [Бобров и др., 2010. С. 30–54]. Для выяснения причин регулярных военных побед казаков Ермака в сражениях с отрядами сибирских татар необходимо сопоставление особенностей военного дела обеих сторон. В русских источниках говорится, что воины Ермака были хорошо вооружены и оснащены богатыми купцами Строгановыми. Они снабдили их тремя пушками, выдали тем, кто не имел оружия, ружья и каждому дали «по три фунта пороха и по три фунта свинца» [Миллер, 1999. С. 212].

Наличие огнестрельного оружия и боеприпасов стало одним из важных факторов, обеспечивших военные успехи отряда Ермака. Оно продемонстрировало военно-техническое превосходство казаков над своими противниками. Помимо оружия «огненного боя» воины Ермака были хорошо оснащены различными видами холодного оружия и имели в своем распоряжении

надежные средства индивидуальной металлической защиты [Худяков, 2011. С. 212–216]. Атаман Ермак, другие военачальники и сами воины, принимавшие участие в походе в Сибирь, обладали большим опытом ведения военных действий против военных отрядов кочевников в Поволжье [Скрынников, 1982. С. 155–157]. В состав отряда было включено и «триста человек немцев и литвы» из числа бывших военнопленных с Ливонской войны [Алексеев, 1941. С. XLIX]. На миниатюрных изображениях Ремезовской летописи часть воинов из отряда Ермака изображена в западно-европейских шлемах и латах [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. С. 85. Рис. 180–185; Худяков, 2011. С. 213–214]. Из российских источников последующего периода известно, что европейские военные специалисты высоко ценились и активно привлекались для военной службы в Сибири в течение всего XVII в. [Борисенко, Худяков, 2010. С. 26–27, 31; Дмитриев, 2008. С. 37].

Особое внимание со стороны современников и потомков всегда привлекали средства индивидуальной металлической защиты, принадлежавшие самому Ермаку. В свое время С. В. Бахрушин выдвинул весьма заманчивую, но, по его собственной оценке, «очень опасную гипотезу», согласно которой один из панцирей, подаренных Ермаку царем Иваном Грозным, ранее принадлежал князю П. И. Шуйскому [Бахрушин, 2004. С. 172–174]. В русских источниках XVII в. (Ремезовской и Краткой Сибирской Кунгурской летописях) упомянуты и описаны защитные доспехи, или «драгоценные панцири», подаренные Ермаку вместе с другими дорогими вещами царем Иваном IV [Сибирские летописи..., 2008. С. 338, 345, 347, 429, 435]. Наиболее полно один из подаренных царем панцирей описан в эпизоде вручения этого доспеха джунгарскому тайше Аблаю: «Пансырь же бит въ 5 колец мудростно, длиною в 2 аршина, в плечах с четью аршинъ, на грудехъ и меж крылецъ печати царские златые орлы, по подолу и рукавамъ опушка медная на 3 вершка» [Там же. С. 347]. Впервые сведения об этом панцире были введены в научный оборот Г. Ф. Миллером [1999. С. 233].

Согласно имеющемуся в источниках описанию, один из этих доспехов представлял собой «панцирь», который «состоял из

железных колец и потому назывался кольчугой. Надо было изумляться искусству, с каким каждые пять колец этого панциря были сплетены между собою. Длина его равнялась двум аршинам, ширина в плечах – одному с четвертью аршина, грудь и спина были украшены царскими мишенями с золотым двуглавым орлом, низ подола и рукава имели медную опушку, шириной в три вершка» [Миллер, 1999. С. 259]. Как удалось установить, это описание довольно точно соответствует средневековому комбинированному панцирю – юшману, широко применявшемуся русскими воинами в позднем средневековье. Основу доспеха составляла кольчуга, составленная из железных колец, соединенных между собой по принципу четыре кольца в одно. На груди и на спине в составе кольчатого доспеха были вплетены металлические железные «зеркала», или «мишени» – округлые диски, украшенные чеканенными золотом изображениями двуглавых орлов. Рукава и подол были оформлены бронзовыми обшлагами, названными «опушкой». По своим габаритам этот доспех должен был соответствовать верхней наплечной одежде воина [Худяков, 2002. С. 242].

Приведенное описание определенно отличается от кольчуги князя П. И. Шуйского, которая сохранилась в Оружейной палате Московского Кремля. Данные о ней приведены С. В. Бахрушиным: «Кольчуга эта, сделанная из больших круглых колец, крепленных на гвоздь, имеет длину 14 верш., ширину 1 арш. 8 верш. (в подоле 1 арш.) и весит 8, ½ ф.». На левой стороне груди этой кольчуги «имеется округлая медная мишень 3 см, в диаметре, на которой отлита выпуклыми буквами следующая надпись, расположенная в четыре строки: “Князя Петровъ Ивановича Шускгова”». В описи Оружейной палаты 1687 г. об этом защитном облачении сказано: «Кольчуга, на ней мишень медная, на мишени надпись: боярина князя Петра Ивановича Шуйского». Согласно этой описи стоимость кольчуги определена в 30 рублей [Бахрушин, 2004. С. 169]. Как видно, эта кольчуга отличалась от подаренного Ермаку панциря размерами, а также наличием одной, сравнительно небольшой по размерам, медной мишени, расположенной не по центру нагрудной части доспеха, на которой вместо изображения двуглавого орла была надпись, сви-

детельствующая о принадлежности панциря князю П. И. Шуйскому.

Что касается второго панциря, то непосредственных сведений о его конструкции в источниках не содержится. Вполне вероятно, что он мог представлять собой кольчугу, которая в сочетании с доспехом с мишенями служила дополнительной защитой тела воина. Судя по опыту боевых действий, в которых принимал непосредственное участие Ермак, такую двойную защиту не могла пробить ни одна татарская стрела. Не удивительно, что татары стали приписывать доспехам Ермака необыкновенные свойства, предполагать, что они обеспечивают неуязвимость своего владельца [Худяков, 2001. С. 45]. Вместе с тем двойной доспех, несомненно, значительно утяжелял общий вес защитного покрытия, что роковым образом сказалось на судьбе самого атамана, утонувшего в Иртыше под тяжестью своих двух панцирей [Миллер, 1999. С. 257].

Весьма ценным источником для изучения военного дела русских воинов, служивших в Сибири в XVI–XVII вв., в том числе для более полной реконструкции внешнего вида и конструктивных особенностей доспехов Ермака, служат изображения и подписи к рисункам на страницах Ремезовской летописи, которые были в предшествующие годы проанализированы, атрибутированы, переведены на современный русский язык и прокомментированы Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеевым, что сделало эти материалы доступным для широкого круга исследователей [2006. С. 182, 199]. Полная подборка рисунков с изображением доспехов Ермака опубликована в своде сибирских летописей [Сибирские летописи..., 2008. С. 542, 544, 563, 564, 569–571]. На рисунках Ремезовской летописи изображение этих доспехов представлено в общей сложности в разных вариантах не менее семи раз. В нескольких случаях изображены оба доспеха. Однако основное внимание на всех, без единого исключения, рисунках уделено тому доспеху, на котором имелись округлые пластины – «мишени» с царскими двуглавыми орлами. Именно этот панцирь изображен на всех привлеченных для анализа рисунках в летописи.

На одном из них изображен сам Ермак, который «принимает царские дары» [Дер-

гачева-Скоп, Алексеев, 2006. С. 64; Сибирские летописи..., 2008. С. 542]. Оба панциря показаны лежащими один поверх другого на круглом столе в числе других царских подарков. Покрой лежащего наверху панциря с мишенями представляет собой один из видов нераспашной верхней одежды. У него изображены округлый проем для головы, оплечья, короткие рукава и прямой подол с трапецевидным вырезом спереди. На нагрудной части панциря показана металлическая мишень в виде округлого диска с не очень четким изображением царского герба. Вдоль подола и рукавов широкой, окаймленной с обеих сторон полосой показаны «медная опушка» и обшлага. Узкой, одинарной полоской обозначен проем для головы. Двойной полосой обозначены нижние края оплечий. Вся поверхность панциря украшена узорами. На этом же рисунке воспроизведен второй панцирь таким образом, что можно оценить его покрой. Он также имеет вид нераспашной верхней одежды с округлым проемом для головы, короткими рукавами и небольшим, полукруглым проемом спереди на подоле. Края проема, рукавов и подола окаймлены узкими полосками. Вся поверхность панциря состоит из небольших полукруглых ячеек. Вероятнее всего, таким образом изображены соединенные между собой кольца кольчуги [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. Рис. 116; Сибирские летописи..., 2008. Рис. 86] (рис. 1, 1).

На другом рисунке воспроизведен эпизод, в котором Ермак демонстрирует этот царский подарок плененному татарскому царевичу Махметкулу (Маметкулу) [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. С. 64; Сибирские летописи..., 2008. С. 544]. Из описания исторических событий похода известно, что Махметкул был одним из лучших полководцев Сибирского ханства в правление Кучума. После пленения он был отправлен в Москву [Миллер, 1999. С. 244]. Вероятно, показывая ему панцири, подаренные самим царем, Ермак стремился произвести на татарского царевича особенное впечатление, внушить уважение к своей персоне. На рисунке изображены те же самые два панциря, однако доспех с мишенями почти полностью перекрывает второй панцирь, от которого видны только край и угол подола. Панцирь с мишенями изображен с округ-

лым проемом для головы, округлыми оплечьями, короткими рукавами, округлым, дисковидным зеркалом на груди, прямым подолом с полуovalным вырезом спереди. Проем для головы окаймлен узкой полоской. Обшлага рукавов и подол оторочены двойной полосой. На поверхности мишени воспроизведено изображение двуглавого орла. Рукава разделены горизонтальными полосами. Поверхность панциря украшена узорами. Поверхность подола второго панциря покрыта округлыми ячейками. Возможно, они передают кольчужное плетение [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. Рис. 117; Сибирские летописи..., 2008. Рис. 89] (см. рис. 1, 2).

Еще один раз оба доспеха, предназначенных в подарок покорителю Сибири, показаны в момент, когда царь «жалует» эти панцири в качестве награды вместе с другими подарками: «а Ермаку послал богатые подарки: два панциря, и кубок, и шубу свою...» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. С. 181]. На этом рисунке панцирь с мишенью имеет некоторые отличия от описанных ранее изображений. У него показаны высокий, стоячий воротник, переходящий в короткие оплечья, короткие рукава с обшлагами в три поперечных полосы, мишень на груди, поперечная полоса на поясе, подол с треугольным вырезом, отороченным двойной полосой. Поверхность рукавов и подола разделена вертикальными полосами. У второго панциря показаны только часть подола и один рукав с оторочкой по краю и вертикальными полосами.

На всех остальных рисунках изображен только один панцирь с «мишенью» на груди. На одном из них показано тело утонувшего в ходе неудачного боя Ермака, найденное на берегу Иртыша, неподалеку от селения Епанчинские Юрты. Его обнаружил «татарин Якыш, Бегишев внук, ловящий рыбу и наживляющий перемет, увидел, бродя под берегом, человеческие ноги, и, накинув петлю переметной веревки на ноги, вытащил на берег». Когда он «увидел надетые панцири», то понял, что перед ним не простой человек, поскольку знал, что «многие из казаков утонули» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. С. 199]. На этом рисунке тело утонувшего атамана изображено в сфероконическом шлеме с бармицей, в панцире с мишенью и с саблей, подвешен-

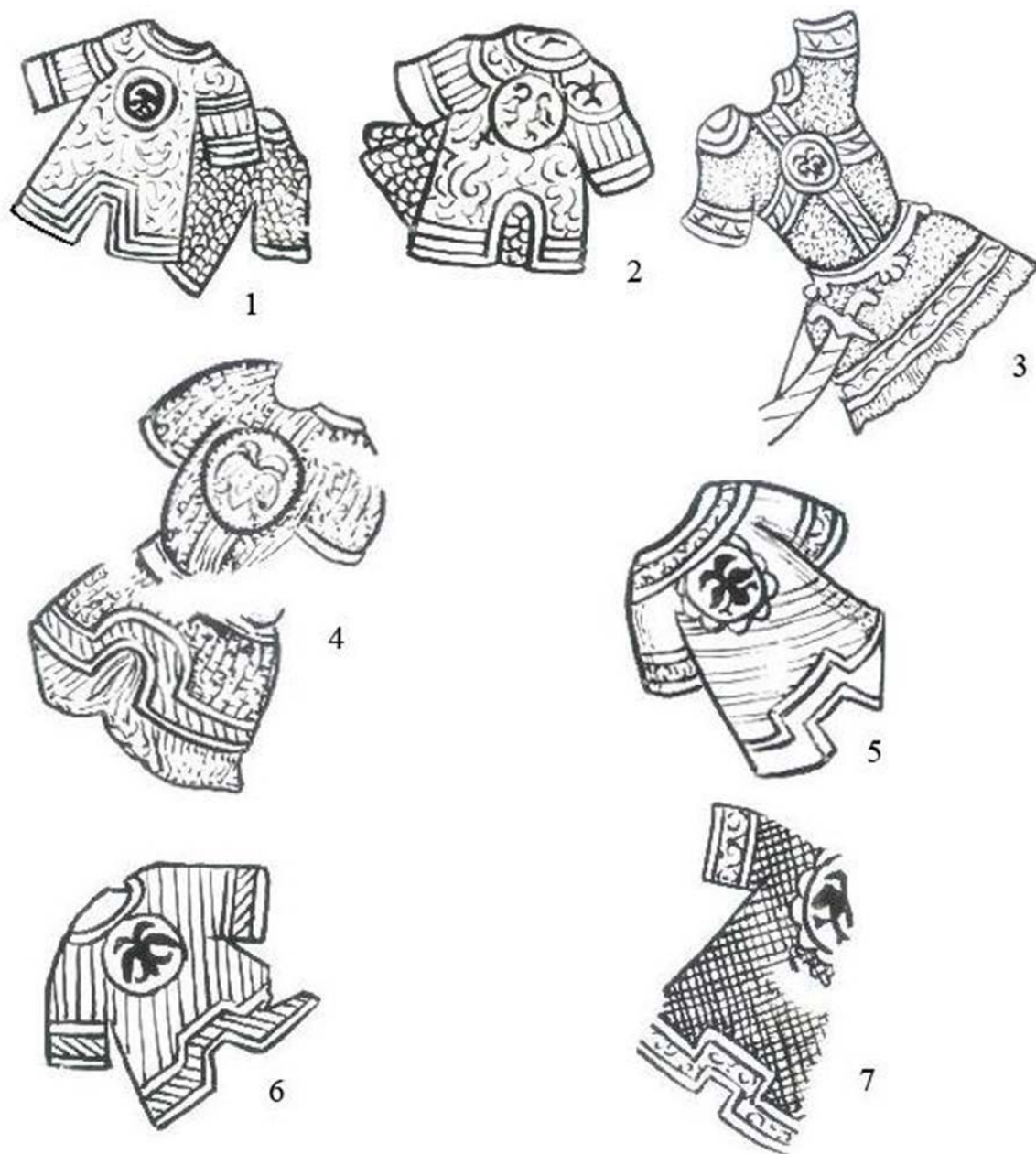

Рис. 1. Изображения доспехов, подаренных атаману Ермаку царем Иваном Грозным, на миниатюрах Ремезовской летописи: 1 – доспехи, преподнесенные в дар Ермаку; 2 – доспехи, продемонстрированные царевичу Махметкулу; 3 – доспех с мишенями на теле утонувшего Ермака; 4 – доспех с мишенями на теле утонувшего Ермака при показе Кучуму; 5 – доспех с мишенями, преподнесенный в дар джунгарскому тайше Аблаю; 6 – доспех с мишенями, принятый от потомков мурзы Кайдаула; 7 – прием Аблаем доспеха с мишенями (по: [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. С. 64. Рис. 116, 117; С. 74. Рис. 152–154]) (без масштаба)

ной к поясу. Судя по рисунку, панцирь с мишенями носился поверх второго панциря, изображенного на других, проанализированных выше рисунках. У панциря показаны округлые оплечья, короткие рукава с

обшлагами, сплошной подол без выреза с оторочкой по нижнему краю. На груди изображена округлая мишень с двуглавым орлом, которая находится на перекрестье двух широких полос – вертикальной, идущей от

ворота к поясу, и горизонтальной, перетягивающей панцирь под рукавами. Все полосы орнаментированы косыми, или изогнутыми линиями [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. С. 199; Сибирские..., 2008. Рис. 109] (см. рис. 1, 3).

Когда татарские жители Епанчинских Юрт по двум «драгоценным панцирям» определили, что нашли тело самого грозного атамана, мурза Кайдаул захотел «снять с трупа панцири». После того как с утонувшего атамана были сняты доспехи и одежда, его обнаженное тело положили на помост и в течение нескольких недель татары расстреливали его стрелами из луков. Удостовериться в гибели атамана «прибыл хан Кучум со всеми знатными татарскими мурзами и даже самые отдаленные остяцкие и вогульские князцы» [Миллер, 1999. С. 258]. На рисунке Ремезовской летописи, иллюстрирующем эти действия, на теле Ермака изображен панцирь с короткими рукавами, вертикальным разрезом на груди и выемкой на переднем крае подола. На груди показана круглая мишень с двуглавым царским орлом, ворот, рукава и подол имеют обшлага [Сибирские летописи..., 2008. С. 564. Рис. 110] (см. рис. 1, 4). Хан Кучум согласился с тем, чтобы панцирь с мишенями достался мурзе Кайдаулу.

В дальнейшем панцирь с мишенями несколько десятилетий хранился в семье мурзы Кайдаула и его потомков. Кайдаул завещал панцирь своему сыну «беку-Маметку», который владел им вплоть до середины XVII в. В 1658 г. он показал на расспросе представителям российских властей: «пансырь-де у него есть, а про тот пансырь приказал ему, бек-Маметку, отец его Кайдаул, при смерти своей под клятвою, чтоб ему тем пансырем служить вам, великим государям, а никому его продавать не велел» [Бахрушин, 2004. С. 172]. Среди татарского и угорского населения Западной Сибири получила широкое распространение вера в необычайные защитные свойства и неуязвимость доспехов Ермака. По представлениям коренных жителей, «платье и оружие Ермака имели особую чудодейственную силу», они «содействовали успешной охоте», а также «оказывали во время войны значительную помощь против врага». Мусульманское духовенство было настолько обеспокоено распространением подобных

представлений среди татарского населения, что ввело специальные запреты на упоминание имени Ермака и посещение места его захоронения [Миллер, 1999. С. 259].

В середине XVII в. представления о чудодейственных свойствах доспехов Ермака получили распространение и среди западных монголов – джунгар или ойратов. Джунгарские правители, узнавшие о существовании «волшебных доспехов Ермака», находившихся во владении потомков мурзы Кайдаула, неоднократно пытались его приобрести. Первоначально, они обращались по этому поводу непосредственно к владельцу панциря. По свидетельству «бека-Маметко», джунгарский правитель Байбагиш-тайша обращался к мурзе Кайдаулу и «того пансыря добивался много, а давал за этот пансырь 10 семей ясырей (рабов), да 50 верблюдов, да 500 лошадей, 200 быков и коров, 1000 овец» [Бахрушин, 2004. С. 172]. Судя по этому предложению, доспех Ермака оценивался очень высоко. Однако Кайдаул не согласился продать панцирь даже на таких весьма выгодных условиях.

В 1650 г. в Тобольск прибыло посольство «от калмыцкого тайши Аблая». Джунгарские послы обратились через тобольских воевод от имени Аблая-тайши с просьбой к российскому царю Алексею Михайловичу, чтобы он «соизволил переслать в дар» джунгарскому правителю доспехи, полученные когда-то Ермаком от царя Ивана Васильевича и перешедшие после его гибели к татарскому мурзе Кайдаулу и кодскому князю Алачу. Сибирские власти обратились по этому поводу в Москву и через год получили грамоту, в которой «приказано было взять панцири у наследников Кайдаула и Алача и переслать тайше». Тобольский воевода князь И. А. Хилков «приложил все усилия, чтобы лаской и угрозами получить эти панцири». Однако наследники князя Алача отказались отдать свой панцирь, поскольку он был пожертвован особо почитаемому угорскими племенами «белогорскому шайтану», поэтому они «и слышать не хотели о возвращении панциря». Воеводе удалось разыскать только один панцирь и заполучить его у потомков татарского мурзы Кайдаула. Это был знаменитый панцирь с мишенями. В июне 1651 г. панцирь был послан тайше Аблаю со «стрелецким сотником Ульяном Моисеевым сыном Ремезовым» [Миллер, 1999. С. 259]. С. В. Бах-

рушин относит эти события к концу 1650-х – началу 1660-х гг. Согласно описанию в делах Сибирского приказа, панцирь, принадлежавший наследникам мурзы Кайдаула, выглядел следующим образом: «а приметы-де длинен, и около грудей кольца часты, напереди-ж ниже пояса прострелено, испорчено одно кольцо» [Бахрушин, 2004. С. 173]. В этом описании не упоминаются мишени, что дает основания для сомнений в том, что описан именно доспех Ермака. Как полагал С. В. Бахрушин, несмотря на настойчивые просьбы со стороны российских властей и предлагаемую за него «цену немалую» – 30 рублей, владелец панциря, по-видимому, не соглашался расстаться с ним. Поэтому воевода приказал взять у него панцирь «неволею» [Там же].

Названный выше стрелецкий командир Ульян Моисеевич Ремезов был отцом составителя Ремезовской летописи, известного сибирского летописца Семена Ульяновича Ремезова. На миниатюрах Ремезовской летописи подробно запечатлены обстоятельства посольства и вручения панциря в качестве царского подарка Аблаю-тайше послом У. М. Ремезовым. На рисунках изображен панцирь одного покроя, с округлым проемом для головы, короткими рукавами, мишенью на груди и трапециевидным вырезом на подоле. Края рукавов и подола оформлены широкой орнаментальной полосой. На одном из рисунков такой полосой оформлен и ворот панциря. Мишень на груди представляет собой округлый диск, окаймленный полукруглыми выступами по краю, с двуглавым орлом в центре. Поверхность панциря покрыта косыми, или перекрещивающимися линиями, либо оставлена не заштрихованной [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. С. 76. Рис. 152–154; Сибирские летописи..., 2008. С. 569–571. Рис. 115–117] (см. рис. 1, 5, 6). Аблай принял панцирь «с глубоким уважением в знак величайшей царской милости, поднял его высоко над головой и поцеловал» [Миллер, 1999. С. 259]. Этот момент запечатлен на одном из рисунков [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. Рис. 153] (см. рис. 1, 7). В разговоре с У. М. Ремезовым джунгарский тайша подробно рассказал о том, что ему было известно о пребывании Ермака в Сибири, вплоть до его гибели и посмертных злоключений, произошедших с его телом, с некоторыми дополнительными

фантастическими подробностями. По словам самого тайши, он некогда смог вылечиться, употребив в качестве лекарства землю с могилы Ермака. Впрочем, причина, по которой он просил русского царя подарить ему этот панцирь, заключалась в другом. Аблай-тайша планировал пойти войной «против Казакской орды и надеется на постоянный успех, если будет иметь при себе присланный панцирь» [Миллер, 1999. С. 260].

При описании этих событий Г. Ф. Миллер, на основе сведений, содержащихся в Ремезовской летописи, кратко охарактеризовал конструктивные особенности этого панциря, состоявшего из железных колец и дополнительных деталей. Указаны его размеры и расположение мишеней с золотыми двуглавыми орлами на нагрудной и наспинной частях доспеха [Там же. С. 259]. Нет сомнения в том, что он основывался на кратком описании доспеха, содержавшемся в этой летописи, в котором говорится следующее: «Панцирь же бит был искусно 65 колец, длиной в 2 аршина, в плечах – аршин с четвертью, на груди и на спине – печати царские, золотые орлы, по подолу и рукавам – опушка медная на 3 вершка» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. С. 206]. Благодаря этому описанию, у современных исследователей имеется возможность сравнить между собой различные варианты изображений доспеха с мишенями на миниатюрах летописи, дополнить их данными из описаний в разных источниках и предложить наиболее обоснованный тип его покроя.

На большей части рисунков доспех изображен в виде нераспашной защитной одежды с округлым проемом для головы, короткими рукавами, мишенью на груди и трапециевидным вырезом на передней части подола. Этот вариант реконструкции доспеха с мишенями в наибольшей степени соответствует описаниям, приведенным в Ремезовской летописи и в исследовании Г. Ф. Миллера, а также совпадает с основными деталями на большей части рисунков летописи [Миллер, 1999. С. 259; Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. Рис. 116, 117, 152–154; Сибирские летописи..., 2008. Рис. 86, 89, 115–117]. Весьма важно, что именно таким доспех изображен на рисунках, относящихся к событиям, происходившим

Рис. 2. Реконструкция доспехов Ермака:
1 – доспех с мишенями; 2 – кольчатый доспех (без масштаба)

в период совершения посольства У. М. Ремезова в ставку Абляя-тайши. После этого посольства каких-либо сведений о дальнейшей судьбе доспеха в источниках не содержится. Вполне вероятно, что составитель летописи, или художник, иллюстрировавший события, относящиеся к посольству, могли получить сведения об особенностях этого доспеха непосредственно от У. М. Ремезова, который сам его видел, держал в руках и вручал Абляю-тайше.

Судя по этим описаниям и большей части рисунков, доспех с мишенями представлял собой нераспашную верхнюю наплечную защитную одежду с широким проемом для головы, короткими рукавами, расклеванным подолом и трапециевидным вырезом спереди. По краям проема, рукавов и

подола на большей части рисунков изображена широкая полоса с орнаментом. Вероятнее всего, так показана «медная опушка». На некоторых миниатюрах на этом доспехе изображены оплечья с орнаментом, а на рукавах показаны узкие, вертикально расположенные, пластины, напоминающие детали ламеллярного панциря. В центре верхней части доспеха изображена круглая мишень с двуглавым орлом. Из описания известно, что вторая мишень была у этого доспеха на спине. На некоторых рисунках она обрамлена кольцом или полукругиями. Поверхность доспеха заштрихована косыми линиями, иногда показанными крест-накрест. На некоторых рисунках изображен орнамент из завитков (см. рис. 1, 1, 2, 5–7). Доспех с мишенями, изображенный

на теле утонувшего Ермака, дополнительно снабжен поясом и широкой вертикальной полосой спереди. На одном из рисунков от этой полосы отходят еще две наклонных полосы по подмышкам (см. рис. 1, 3, 4). Возможно, что таким образом верхняя часть доспеха изображена двубортной. Есть основания полагать, что появление некоторых дополнительных подробностей, относящихся к доспеху, изображенных на других рисунках летописи, может объясняться тем, что создавшие эти рисунки художники не только сами не видели этих панцирей, но воспроизвели их по словесным описаниям согласно собственным представлениям, как он должен был выглядеть. Подобные различия можно отнести к особенностям восприятия описания ермаковских доспехов разными художниками, иллюстрировавшими различные разделы летописи независимо друг от друга. Вероятнее всего, это был комбинированный кольчатопластинчатый панцирь с кольчатой основой, пластинчатыми деталями на плечах, рукавах и массивными дисковидными зеркалами на груди и на спине (рис. 2, 1).

С. В. Бахрушин выразил сомнение в том, что доспех, подаренный Аблаю-тайше, действительно когда-то принадлежал Ермаку, поскольку «бек-Маметко» побывавший в ставке Аблая, утверждал, что этот панцирь не его. Поэтому в дальнейшем в Москву Аблаем-тайшой и его сыном Чаганом-тайшой вновь были направлены посольства с просьбой о присылке знаменитого панциря. Однако никакого другого панциря, который мог бы принадлежать Ермаку, найдено не было [Бахрушин, 2004. С. 173].

Второй подаренный царем Ермаку доспех привлек значительно меньше внимания у современников и последующих летописцев. Ни на одном из рисунков Ремезовской летописи он не был изображен полностью [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006. Рис. 116, 117; Сибирские летописи..., 2008. Рис. 86, 89] (см. рис. 1, 1, 2). Возможно, такое положение стало следствием того, что этот панцирь остался в угорском святилище и его не удалось заполучить сибирским администраторам, чтобы отослать в подарок тайше Аблаю. Из-за своей недоступности этот доспех никто не смог осмотреть. Судя по имеющимся изображениям на миниатюрах, доспех был целиком кольчатым, с округлым проемом для головы, короткими

рукавами и расклепанным подолом с оторочкой (см. рис. 2, 2). Этот панцирь, доставшийся кодскому князю Алачу, был преподнесен «белогорскому шайтану», святилище которого находилось близ устья Иртыша. Остяки отказались отдать его российским властям, чтобы преподнести в подарок Аблаю-тайше. В дальнейшем эту кольчугу не удалось обнаружить [Бахрушин, 2004. С. 173–174].

Проанализированные изобразительные материалы служат важным подтверждением высокой степени информативности миниатюр Ремезовской летописи в качестве изобразительного источника по истории военного дела русских воинов, служивших в Сибири в XVI–XVII вв.

Список литературы

Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей XIII–XVII вв. Иркутск: ОГИЗ, 1941. 612 с.

Бахрушин С. В. Кольчуга князя П. И. Шуйского // Тобольский хронограф. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. Вып. 4. С. 169–175.

Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учеб. пособие. Новосибирск, 2010. 288 с.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Европейские исследователи XVIII века о военном деле, вооружении и воинском снаряжении русских казаков и служилых людей в Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. С. 25–34.

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Ремезовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская краткая Кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Тобольск: Фонд «Возрождение Тобольска», 2006. 270 с.

Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. 240 с.

Кызласов Л. Р. О присоединении Хакасии к России. Страницы истории и современность. Абакан; М.: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 1996. Вып. 2. 62 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.

Окладников А. П. Открытие Сибири. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1981. 223 с.

Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. 688 с.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982. 251 с.

Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск: Изд-во «Вен-Мер», 1995. 676 с.

Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим данным) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 10. 356 с.

Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: При Императорской Академии наук, 1774. 631 с.

Худяков Ю. С. «Волшебные» доспехи Ермака // Защита и безопасность. 2001. № 1. С. 44–45.

Худяков Ю. С. Кольчуга Ермака. Легенды и источники // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 240–243.

Худяков Ю. С. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 238–254.

Худяков Ю. С. Холодное оружие и защитный доспех в комплексе вооружения русских воинов в Сибири в XVI–XVII веках (по изобразительным источникам) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3. С. 210–218.

Материал поступил в редколлегию 04.11 2011

Yu. S. Khudyakov

**IMAGES OF ARMOUR OF ERMAK IN FIGURES OF XVII CENTURY
(ON MATERIALS OF THE REMEZOV'S ANNALS)**

In article miniatures Remezov's annals on which an armour are represented, presented to ataman Ermak tsar Ivan Grozny, are analyzed. On the basis of comparison of different figures reconstruction of breed of armours and their design features is lead. The history of reverence of this armour in cultures of people of Western Siberia is tracked.

Keywords: Russian soldiers, cossacks, tatars, oyrats, protective arms, armours.